

Шуай Чан под руководством встроенного в мозг чипа шагнул в пространственно-временной туннель. На мгновение его глаза утонули в кружащихся красках. Он не стал зажимать глаза, а просто шел вперед: шаг, два, три...

Вспыхнул ослепительно яркий свет, и Шуай Чан невольно закрыл глаза. Он почувствовал, как его тело стало невесомым — это душа отделялась от плоти. Неизвестно, сколько времени он так парил, но вдруг раздался резкий хлопок, словно что-то лопнуло прямо у него над ухом. Шуай Чан дернуло вниз, и вскоре он вновь обрел тяжесть, присущую человеческому телу.

Он знал, что это и есть «замена души», о которой говорил Небесный Путь: он должен заместить душу негодяя.

Его зовут Шуай Чан, он добропорядочный молодой человек из двадцатого века, воспитанный в социалистическом духе. Однажды, спасая человека, он погиб и был выбран Небесным Путем в качестве сотрудника станции спасения времени и пространства. Его задача — исправлять судьбы мерзавцев. Шуай Чан всегда любил помогать другим, и, выслушав объяснения Небесного Пути, он решил, что эта работа ему идеально подходит.

Вместо того чтобы кануть в небытие в бесконечном одиночестве, лучше прожить жизнь, совершая что-то осмысленное.

Это его первое задание.

В тот же миг, когда Шуай Чан открыл глаза, духовный сгусток, внедренный Небесным Путем в его сознание, начал передавать ему воспоминания этого тела.

Владельца тела звали Инь Хайдун, он был наследником в третьем поколении, чьи семейные предприятия охватывали весь мир. Как старший внук, по достижении совершеннолетия он получил в управление дочернюю компанию, находившуюся на грани банкротства, — это было и испытанием, и наградой.

Инь Хайдун с железной хваткой взялся за реорганизацию, пересмотрел маркетинговую стратегию, и меньше чем за год компания начала приносить прибыль.

До этого момента в действиях Инь Хайдун не было ни капли подлости.

Шуай Чан продолжил систематизировать воспоминания.

Три года спустя Инь Хайдун полностью взял на себя управление семейным бизнесом в Китае, львиную долю которого составляла развлекательная компания, специализирующаяся на воспитании айдолов и инвестициях в кино и сериалы.

В первый же день на новой должности Инь Хайдун положил глаз на стажера Фань Лоцзя,

который как раз готовился к дебюту. Оказалось, что в сердце Инь Хайдуна давно жила «белая луна» — его первая любовь, и Фань Лоцзя был до странности на нее похож.

Если в двадцати с лишним годах жизни Инь Хайдуна и было о чем жалеть, так это о Шэнь Юньцине — его друге детства, с которым они были неразлучны. В бесконечных ночных раздумьях Шэнь Юньцин незаметно превратился в тот самый недостижимый идеал, светящийся в глубине души Инь Хайдуна.

К сожалению, пять лет назад, когда Инь Хайдун стал совершеннолетним, из-за смерти его тети дружеские узы между семьями Шэнь и Инь были разорваны. Там, где появлялись Инь, не было места для Шэнь, поэтому с восемнадцати лет Инь Хайдун больше не видел Шэнь Юньцина.

Увидев Фань Лоцзя, так сильно напоминавшего Шэнь Юньцина, Инь Хайдун начал тайком ухаживать за ним. Чистое юношеское сердце Фань Лоцзя быстро сдалось. Он не только согласился скрыть их отношения, но и, боясь, что папарацци выследят Инь Хайдуна, отказался от роли в фильме, которая могла принести ему мгновенную славу, и лишь изредка соглашался на крошечные эпизодические роли.

Позже, когда семья Инь начала настаивать на женитьбе, Инь Хайдун, устав от расспросов, просто привел Фань Лоцзя домой. Фань Лоцзя, терзаемый тревогой, едва не сломался под придирчивыми взглядами родственников Инь.

Он думал, что у них с Инь Хайдуном нет будущего, но тот неожиданно тайком взял домовую книгу и зарегистрировал их брак. Фань Лоцзя поверил в искренность чувств Инь Хайдуна, готового пойти против семьи ради него. На самом деле Инь Хайдун просто решил, что с первой любовью ничего не выйдет, и взял в жены того, кто пришелся по вкусу.

О браке не знал никто, кроме них самих. Чтобы лучше заботиться об Инь Хайдуне, Фань Лоцзя пришлось бросить любимую актерскую карьеру. Он быстро исчез из мира шоу-бизнеса, где для него и так не было места, и стал домохозяйником на полную ставку.

Если бы жизнь продолжалась в том же духе, все было бы в порядке. Но беда пришла на прошлой неделе, когда развлекательная компания Инь Хайдуна подписала контракт с новым артистом по имени Юньцин. При первой же встрече Инь Хайдун узнал в нем Шэнь Юньцина.

Оказалось, что после разрыва отношений семья Шэнь попала под жесткое давление со стороны семьи Инь. К тому же никто из Шэнь не обладал деловой хваткой, и они быстро потеряли бывшее влияние. Семья Шэнь привыкла к роскоши: доходы падали, а расходы росли. За последние два года им пришлось распродать многие активы, чтобы поддерживать статус. Шэнь Юньцин не мог смотреть, как семья идет ко дну, но в бизнесе он ничего не смыслил. Зато он был необычайно красив — утонченная, почти женственная красота делала его даже привлекательнее самого популярного на тот момент айдола Линь Линя. Поэтому он решил попытать счастья в шоу-бизнесе.

Семья Шэнь не хотела, чтобы он позорил фамилию, выступая на подмостках, поэтому Шэнь

Юньцин просто отбросил фамилию и взял имя Юньцин. Он разослал резюме в крупнейшие компании индустрии и неожиданно был принят. Так он не только получил контракт, но и встретил своего друга детства Инь Хайдуна.

Встреча старых друзей, конечно, принесла радость.

Инь Хайдун проявлял инициативу, Юньцин не ломался. Они проводили вместе дни напролет, вспоминая былое, и вскоре неловкость пятилетней разлуки испарилась.

Угасшие было чувства Инь Хайдуна вспыхнули с новой силой. Юньцин видел это, но молчал, пользуясь случаем выпросить для себя лучшие ресурсы. Инь Хайдун хотел лишь восполнить упущенное и не смел отказать ни в чем.

Их общение было открытым, и вскоре по компании поползли слухи. Сотрудники шептались, что босс встречается с новичком Юньцином.

Именно в этот момент, когда сплетни достигли пика, в тело вселился Шуай Чан.

Он сидел в удобном кресле начальника, откинувшись на спинку. Перед ним стоял массивный стол из темного дерева с вертикальным рисунком. Слева были открыты жалюзи, заливая кабинет светом.

Не успел Шуай Чан освоиться, как раздались три тихих стука в дверь. В кабинет вошла деловая женщина в строгом черном костюме. Она встретилась взглядом с боссом, легко улыбнулась и отошла в сторону, открывая того, кто стоял за ее спиной — мужчину с внешностью весеннего рассвета.

Шэнь Юньцин.

У него были аккуратные черные волосы, тонкие брови, длинные глаза и алые губы. Его лицо отличалось утонченной красотой, в которой чувствовалась какая-то загадочная андрогинность.

Шуай Чан никогда не играл в кино, но, к счастью, в теле Инь Хайдуна сохранились остаточные воспоминания, позволявшие действовать на автомате.

Холодное лицо Инь Хайдуна в тот момент, когда он увидел Шэнь Юньцина, озарилось весенним теплом, а во взгляде промелькнула нежность. Он встал, обошел стол и быстро подошел к Шэнь Юньцину, с волнением взяв его за руки:

— Юньцин, ты пришел.

Тихий звук закрывающейся двери не помешал им. Шэнь Юньцин слегка улыбнулся, словно распутившийся цветок:

— Мне приснился сон о тебе, я соскучился и решил прийти. Я не отвлекаю тебя от работы?

— Конечно, нет. — Инь Хайдун усадил его на диван. Ему не хотелось отпускать, но, помедлив, он все же разжал пальцы, державшие тонкие руки Шэнь Юньцина.

— Ну как, ты уже освоился в компании? — Инь Хайдун посмотрел на Шэнь Юньцина взглядом, полным... отцовской любви?

Эмоции самого Инь Хайдун постепенно угасали, и Шуай Чан вернул себе контроль над телом.

Шэнь Юньцин, заметив внезапное отчуждение мужчины, вздрогнул. Он улыбнулся, словно ничего не заметив, и подался вперед:

— У всех здесь прекрасный характер, Лили-цзе тоже очень заботится обо мне. — Лили была той самой деловой женщиной, что вошла первой.

— Я знаю, они хорошо относятся к тебе только из-за меня. Хайдун, спасибо тебе. — Говоря это, Шэнь Юньцин слегка покраснел, прикусил нижнюю губу, а его взгляд, устремленный на Инь Хайдун, подернулся туманом — то ли страстным, то ли равнодушным, тягучим и недосказанным.

В душе Шуай Чана не шевельнулось ничего, кроме желания рассмеяться.

Он прожил более двадцати лет натуралом, и впервые, когда его начал охмурять мужчина, это показалось ему чем-то совершенно абсурдным.

Однако характер не позволял ему быть грубым с кем бы то ни было, поэтому Инь Хайдун, обладатель мужественной фигуры и волевого лица, вежливо и мягко ответил:

— Друзья должны помогать друг другу.

Наступила неловкая тишина. Шэнь Юньцин опустил глаза и поднялся:

— Хайдун, ты, должно быть, устал? Я пойду работать. Пообедаем вместе в полдень? Я угощаю.

Инь Хайдун взглянул на часы: одиннадцать тридцать. Обеденный перерыв в компании длился с двенадцати до двух.

— В следующий раз. В следующий раз я угощу. У меня есть дела на обед. — Шуай Чан вспомнил, как Инь Хайдун несколько раз возвращался домой в обед и заставлял Фань Лоцзя за приготовлением любимых блюд. Вероятно, Фань Лоцзя делал так каждый день, либо кто-то в компании докладывал ему о перемещениях, но это было невозможно — никто в компании не знал об их отношениях.

Шуай Чан решил поехать домой. Чтобы исправить судьбу негодяя, недостаточно просто не изменять — нужно окружить супруга заботой и вниманием.

В кабинете Шэнь Юньцин, который так редко проявлял инициативу, не смог удержать внезапно изменившегося Инь Хайдунa. Его лицо то краснело, то бледнело, он, очевидно, нафантазировал себе невесть что, а потом вдруг печально улыбнулся Инь Хайдуну и пробормотал:

— Я не буду тебе мешать. — И поспешно ушел.

<http://bllate.org/book/22165/2308976>